

Дорогие друзья!

Сегодня, стоя здесь у памятника Йоханну Вольдемару Яннсену, одному из центральных деятелей истории эстонской журналистики и культуры, я хотел бы начать с такого вопроса: если журналистика – это четвертая власть, то кто же тогда первая, вторая и третья?

Идея о трех властях не так стара, ей всего 250 лет. В 1748 году барон Шарль де Монтескье, французский дворянин и интеллектуал эпохи Просвещения, опубликовал свою ставшую позднее классикой книгу «О духе законов» (*De l'esprit des lois*), в которой он писал об эффективном правлении.

Монтескье, который, как считается, лучше других осмыслил основы демократического государства, был убежден, что демократическое правление достигает своих целей, когда действует принцип разделения властей. И он идентифицировал три власти: законодательную, исполнительную и судебную. Сегодня мы считаем принцип разделения властей едва ли не законом природы, частичкой западной цивилизации.

Однако, однако... Гениальный Монтескье не сказал о четвертой власти ни слова. У эстонского выражения «четвертая власть» нет ничего общего с теорией эффективного демократического правления, равно как и слово «власть» неверно, по крайней мере, когда его используют в сочетании со словом «четвертая».

Этот термин – «четвертое сословие», the fourth estate – изначально пустил в обиход великий деятель британского романтизма Томас Карлайл в 1838 году в своем очерке о французской революции. Там он ссылается на своего кумира Эдмунда Бурка, который назвал одним из участников предреволюционного французского парламента – наряду с духовенством, дворянством и мещанством – журналистику как четвертое сословие. Более того: Бурк и Карлайл считали то четвертое, сидевшее на балконе парламента сословие, но не власть, более важным, чем три остальные вместе.

Что дает нам эта отсылка? Во-первых, уже с давних времен известно, что демократия невозможна без свободной журналистики. Во-вторых, журналистика – именно сословие, а не власть. И в-третьих, это говорит нам, к сожалению, о том, что в новой Эстонии представление о журналистике как о чем-то властном, по Монтескье, изначально неверно.

Журналисты со стажем еще помнят, что такое цензура. Внешняя или выработавшаяся с годами внутренняя, она не позволяла говорить или писать правду, избегала фактов, неудобных властям.

Последние недели и месяцы снова наглядно показали всему народу Эстонии, что отсутствие свободы слова и искажение фактов позволяют эффективно и омерзительно манипулировать народом. Русский читатель или телезритель воспринял бы перенос Бронзового солдата на другое место по-иному, если бы знал, что в России за последние месяцы было демонтировано, перенесено или уничтожено несколько могил и памятников павшим во Второй мировой войне. И что выступающему по телевидению запрещается упоминать слово «Химки», потому что влияние его на публику может быть для кого-то, например, для соседнего государства, чрезвычайно опасным...

И этого я заключаю, что когда нет свободы слова, человек не свободен. Притесненный и скованный, опираясь только на полуправду или ложь, человек не свободен принимать собственные решения. Он несвободен.

Давайте будем помнить об этом, поскольку и свобода Эстонии зиждется на свободе слова. Секвестирование газеты «Постимеэс» в независимой Эстонской Республике более 70 лет назад указывает на то, что эстонцы в конце 1930-х годов не были свободны в принятии решений. Какой бы идеализированной не казалась нам задним числом та эпоха. Решения того времени и не могли быть демократическими, поскольку народ не знал и не мог знать, что на самом деле происходит.

Требование свободы слова сопровождается ответственностью за пользование этой свободой. Только так шарлатаны не смогут укрыться за святым принципом свободы слова. Обратим внимание на то, что Карлайл не противопоставляет журналистику ни исполнительной, ни законодательной, ни судебной власти. Она – сословие, никоим

образом не связанное с разделением властей по Монтескье.

Рассмотрение журналистики как сословия дает нам крепкий аналитический инструмент для понимания поступков и промахов эстонской журналистики. И тут выясняется, что именно осознание себя властью существенно ограничивает обозреваемые журналистикой темы. Ощущение себя властью и цепным псом заставляет вас считать легитимными только те темы, которыми занимаются правительство, парламент и суд. Или иными словами: будучи четвертой властью, а не сословием, журналистика позволяет государственной власти определять, о чем говорят, а о чем – нет.

Однако у сословия есть и другая грань. Мы знаем выражение «noblesse oblige», в прямом переводе «принадлежность к дворянству обязывает», в демократическом же обществе более короткая форма – «сословие обязывает». И журналисты, делающие акцент на своем статусе четвертого сословия, должны понять, что у сословий есть свои обязанности. Хороший пример здесь – Яан Тыниссон. Он понимал связанные с сословностью обязанности: говорить правду, избегать истерии, служить обществу, не думать о прибыли или о сенсации.

Эстонская журналистика уже далеко не та, какой она была во времена Йоханна Вольдемара Яннсена, когда целью было вселить в эстонцев идею самосознания. Уже «Постимеэс» Тыниссона был современной газетой, которая не должна была напоминать эстонцам об их национальности. «Постимеэс» Тыниссона исходил из принципа, что демократическое государственное устройство, где правит демос, или народ, возможно только, если народ информирован.

Здесь и заложен принцип обязанности сословия: как можно более беспристрастно информировать о том, что произошло на самом деле.

Здесь я не буду опускаться до бесполезной казуистики и рассуждать о возможности беспристрастности и объективности. Разумеется, это сложно, но к этому надо стремиться. Издание, которое ставит перед собой другие задачи и для увеличения объемов продаж охотится за сенсацией, – это коммерция, а не журналистика. Издания, увеличивающие тиражи и докучающие родителям, у которых недавно умерли дети, не имеют никакого отношения к журналистике. Они – как шакалы.

Им нет места в советах органов журналистики, в совете по свободе слова и на пресс-конференциях. Пусть самостоятельно рыщут за своей прибылью. И пусть не приходят говорить о журналистике. Такие издания, гонящиеся только за прибылью, не заслуживают того, чтобы именоваться сословием. В лучшем случае они – люмпен-пролетариат свободной журналистики.

А у серьезной журналистики есть дополнительные обязанности. Одна из них – не способствовать расколу в обществе. Погромы, имевшие место месяц назад, шокировали практически всех. Однако это не дает ни малейшего оправдания журналистам вымещать или выливать свою злобу на жителей Эстонии.

К сожалению, мы заметили, что во имя «многообразия мнений» в печать попадает всякая дрянь. В одном случае в статье, сеющей ненависть и подстрекательство, Уинстону Черчиллю приписывается цитата, настоящий автор которой – Иосиф Сталин. В другой газете появилась анонимная статья, которая по существу заклемила всех живущих здесь русских «статусом» русского подонка.

Вновь и вновь я возвращаюсь к вопросу о сословии. Четвертое сословие несет ответственность перед своим государством и народом. Я не пропагандирую преданность правительству, отнюдь. Правительства видят свои ошибки, просчеты, недоработки, в первую очередь, именно благодаря свободной журналистике. Это сословная обязанность. Как и обязанность не лгать, не искажать и не дестабилизировать страну, чем, несомненно, занимаются те, кто сеет межнациональную вражду. Когда государство дестабилизировано, то свободной журналистики в нем нет, и мы уже слишком хорошо знаем, что это значит.

Давайте задумаемся над этим. В этом отношении мы в долгу, между прочим, и у Яннсена, который – пользуясь словами профессора Юхана Пеэгеля – научил жителей Эстонии читать, петь и считать себя эстонцами и газета которого принесла большой мир в низенькую хуторскую избу.

Спасибо!